

Gustav
MEYRINK
1868–1932

Густав
МАЙРИНК

*Ангел
западного окна*

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чеш)-44
М 14

Перевод с немецкого Галины Снежинской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

© Г. Снежинская, перевод, 2005
© В. Ахтырская, примечания, 2005
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11269-8

С каким странным чувством держишь в своих руках вещи, принадлежавшие мертвецу, — перевязанный бечевкой, запечатанный сверток... Кажется, будто тончайшие нити, незримые, легкие, как паутина, протянулись от него в неведомое темное царство.

Тщательно затянутые узлы, аккуратная обертка из синей бумаги — все без слов говорит о твердой целеустремленности в мыслях и делах человека, почувствовавшего приближение смерти. Он собрал, сложил в определенном порядке, перевязал письма и бумаги, шкатулки, наполненные тем, что некогда было так важно, а ныне умерло, тем, что хранило воспоминания, ныне поблекшие; занимаясь этим архивом, мельком думая о своем будущем наследнике, в сущности, чужом, далеком человеке, обо мне, он понимал, что уже уйдет, претерпев неизбежное, к тому времени, когда связка его бумаг, брошенная скитаться в мире живых людей, попадет в руки незнакомого родственника.

Пакет запечатан тяжелыми сургучными печатями с гербом моего кузена Джона Роджера, гербом моих предков по материнской линии. Мои тетки и кузины, любившие посудачить о Джоне Роджере, единственном племяннике моей матери, неизменно упоминали: он — «последний в фамилии», и эти слова, во всяком случае мне так кажется, стали чем-то вроде пышного титула, которым дополнялось необыч-

ное — английское — имя; старушки — помню их тонкие, увядшие губы — выговаривали его старательно, со странной, чуточку смешной гордостью и были последними, благодаря кому все еще звучало, вернее, кряхтело и кашляло имя угасшего рода.

Родовое древо... в моей фантазии известная из геральдики метафора оживает, древо пускает буйные побеги: причудливо изогнувшиеся ветви тянутся в далекие края и страны. Произрастало наше родовое древо в землях Шотландии, затем пышно цвело в Англии — кровные узы связывают наш род с одной из древнейших фамилий Уэльса. Мощные корни дали отростки в Швеции и даже Америке, а уже в недавнее время — в Австрии и Германии... Все ветви отмерли, ствол — в Англии — высох. Лишь у нас, на юге Австрии, оставался последний живой отросток, мой двоюродный брат Джон Роджер. И вот, последний отросток загублен... Англией!

Мой дед по материнской линии, «лорд», свято хранил в памяти семейные предания и громкие имена. Между тем сам он попросту держал молочную ферму в Штирии. Джон Роджер, мой кузен, пошел другим путем — изучил естествознание и медицину, стал врачом, кроме того, не на шутку увлекся современной психиатрией. Он много путешествовал, усердно и терпеливо учился в Вене и Цюрихе, Алеппо и Мадрасе, Александрии и Турине, посещал и дипломированных медиков, и лекарей, слыхом не слыхавших о каких-то дипломах, прилежно внимал речам всех этих знатоков человеческой души, заскорузлых от грязи Востока или щеголявших ослепительно-белой манишкой Запада.

Незадолго до войны он переселился в Англию. И говорят, досконально изучил происхождение и историю нашего древнего рода. Что его побудило, не знаю, однако ходили слухи, будто бы он напал на

след некой удивительной тайны. Но тут как гром грянул — война. Роджера отправили в лагерь для интернированных лиц, он же был офицером запаса вражеской армии. Через пять лет он вышел из лагеря совершенно сломленным человеком и до конца жизни не покидал Англии. Умер он в Лондоне, небогатое наследство быстро разошлось по нашей дальней родне.

А мне достались несколько вещиц на память и вот эта посылка, которую сегодня принес почтальон: имя адресата — мое — написано четким прямым почерком.

Родовое древо зачахло, герб преломлен...

Глупая мысль, не было никакого преломления герба — торжественного скорбного акта, совершаемого герольдом над могилой.

Только я сам тихонько говорю: «Преломлен герб» — и разламываю красную сургучную печать. Никто больше не запечатает письма этим гербом.

Разламываю древний, прекрасный герб... Разламываю? Странно: вот написал, и показалось, будто это неправда.

Конечно, я разломил герб, но кто знает, быть может, я не уничтожил его, а как раз пробудил к новой жизни, заставил очнуться после долгого сна. Герб представляет собой щит, разделенный на три поля: в правом, синем поле — зеленый холм с вонзенным в вершину серебряным мечом, он символизирует завоевание нашими предками владения Глэдхилл в Уорчестере. В левом, серебряном поле — зеленое дерево, у корней которого бьет серебряный источник: Мортлейк, поместье в Среднем Эссексе. А в эти два поля снизу вклинивается треугольник, зеленый, и в нем изображен горящий светоч — старинная лампада, какие были у первых христиан. Необычный символ, сведущие в геральдике люди, разглядывая его, с недоумением пожимали плечами.

Я не сразу решился сломать последнюю, особенно рельефную печать, жаль ведь, такая красота. Но что это? В нижнем гербовом поле здесь не лампада! Это кристалл! Правильный двенадцатиграник, а вокруг — лучи, сияющий ореол. Значит, сверкающий яхонт, не тусклый огонек масляной лампадки? И опять это странное ощущение: мне кажется, будто некое воспоминание, дремавшее много, много столетий, мучительно пробивает себе путь в мое сознание.

Каким образом в гербовой печати появился кристалл? И еще... да, конечно, надпись, мелкая надпись, окружающая его. Взяв лупу, я прочитал: «Lapis sacer sanctificatus et praecipuus manifestationis»¹.

Я рассматриваю загадочное изображение, невесть откуда взявшееся на древнем, прекрасно мне известном гербе. Да и такой печати я никогда в жизни не видел. Значит, у моего родича Джона Роджера были две разные печати, или... никаких сомнений, отпечаток очень четкий, буквы на нем выпуклые, — выходит, в Лондоне Роджер заказал себе новую печать. Но зачем? Лампада... Все вдруг становится ясно и чуть ли не смешно: лампада, разумеется, эмблема более позднего происхождения, чем герб, это причудливая дань новым, христианским временам, а изначально в гербе был сверкающий драгоценный дар природы. Но что же означает надпись? Удивительно, отчего-то кристалл мне словно бы знаком, я как будто связан с ним, а вот чем?.. Горный хрусталь, кварц? Помню, была сказка, в которой рассказывается о драгоценном камне, который сияет где-то высоко, на горных вершинах... Но саму сказку я забыл.

Я нерешительно разламываю эту последнюю печать и развязываю бечевку. Из свертка выскальзы-

¹ Камень таинственный, освященный и видения предивные являющий (лат.). — Здесь и далее примеч. перев.

вают старые письма, грамоты, манускрипты, пожелтевшие пергаментные листы, испещренные тайными письменами розенкрейцеров. А еще чертежи, рисунки, изображения пентаклей; многие листы истлели, рассыпаются от ветхости; дальше — переплетенные в свиную кожу гравюры и тетради, целые кипы тетрадей всевозможного размера, и несколько шкатулок слоновой кости, до краев наполненных старинными вещицами, монетами и медалями, кусочками дерева и косточками, оправленными в серебро и золото... а вот... что это? Тусклый блеск, резкие грани черных кристаллов... тщательно отшлифованные образцы девонширского каменного угля... целое богатство! И вдобавок записка, все тот же почерк, прямые, резкие буквы, это рука Джона Роджера:

«Читай — или не читай! Сожги — или сохрани! Тлен отдай тлену. Род графов Уэльских, род Хьюэлла Дата, наш род ныне мертв... Маски».

Мне ли адресованы эти строки? Не ясно. Да, конечно, мне. Смысл загадочен, но почему-то не хочется его разглядывать, беспечно, как малое дитя, я думаю: а зачем? Потом как-нибудь само выяснится. А вот странное слово «Маски»... Оно не дает мне покоя. Роюсь в толковом словаре и нахожу: контаминация английского и китайского, означает «ерунда, безделица». В общем, то же, что «ничего», словцо, излюбленное русскими.

Вчера засиделся допоздна, все размышлял о судьбе моего кузена Джона Роджера, о тщетности любых надежд и бренности мира, а встав наконец из-за стола, решил отложить на завтра дальнейшее знакомство с полученным наследством. С этой мыслью лег спать и быстро заснул.

Но загадочный кристалл, появившийся на печати с фамильным гербом, даже во сне не давал мне по-

коя: таких странных снов, как той ночью, мне никогда в жизни не снилось, во всяком случае ничего подобного я не помню.

Алый яхонт сиял в вышине над моей головой. Вокруг была тьма, но от кристалла исходил тусклый свет... и вот, свет, вернее, луч этого света коснулся моего лба, в тот же миг я почувствовал, что между мной и сверкающим камнем установилась таинственная связь. Я пытаюсь освободиться от странных уз — они внушают мне страх, — верчу головой, прячу лицо, но от луча не уйти... Ворочаясь, я сделал жутковатое открытие — кажется, луч, исходивший из кристалла, вонзался в мой лоб даже тогда, когда я опускал голову и зарывался лицом в подушку. А сзади, я это явственно ощутил, моя голова стала лицом, чужим лицом, оно выступило у меня на затылке.

Я ничуть не испугался, но было неприятно, потому что я понял: теперь, с двумя лицами, мне ни за что на свете не скрыться от светового луча.

Двуликий Янус, подумал я во сне, понимая, однако, что пытаюсь объяснить загадку, используя лишь скудные обрывки знания, которые получил когда-то на уроках латинского. Я решил: ладно, можно на этом успокоиться, однако покоя не настало. Янус! Глупости, при чем тут Янус, а если и правда Янус, то к чему это? Во сне мысли с досадной настойчивостью вертелись вокруг вопроса: что все это значит? И никак не удавалось понять, кто же в таком случае я? Итак, я мучился от непонимания самого себя, а тем временем кристалл медленно, очень медленно опустился и повис прямо над моей головой. Мне показалось, что этот сверкающий камень несет в себе нечто донельзя чуждое, предельно чуждое, то, для чего у меня решительно не находилось слов. Любой минерал с далекой планеты и тот был бы мне ближе...

Странно, вот и сейчас, размышляя об удивительном сновидении, я почему-то подумал о голубе, сле-

тевшем с небес, когда святой пустынный Иоанн крестил Иисуса Христа.

А во сне ко мне неотвратно приближался алый кристалл — наконец яркий луч ударил мне прямо в темя, вернее, в место соединения двух голов. Жгучий ледяной холод исходил от того луча и постепенно понижывал меня... От холода, который, между прочим, вовсе не был неприятным, я проснулся.

Всю первую половину дня я растратил попусту, непрестанно раздумывая о смысле странного сновидения.

В конце концов я с большим трудом восстановил одно смутное воспоминание из моего раннего детства — припомнил разговор, вернее, рассказ, то ли прочитанный в книге, то ли от кого-то услышанный, впрочем сейчас это не имеет значения. Речь там шла о кристалле и каком-то лике, а может, о человеке, но совершенно точно помню, что его имя было не Янус. И перед моим мысленным взором возникла туманная картина.

В раннем детстве я любил забираться на колени к моему деду, благородному лорду, на самом деле скромному владельцу фермы в Штирии. Качая меня на коленях, старик рассказывал всевозможные, не вполне понятные мне тогда истории.

Все сказки, которые сохранились в моей памяти, я впервые услышал от деда, и, можно сказать, сам он тоже был фигурой сказочной. Однажды дед завел речь о снах. «Сны, — говорил он, — дают высокие права, не сравнимые с любыми привилегиями, какие могут принести тебе, мой мальчик, знатный титул и владение родовыми землями. Хорошенько это запомни. В один прекрасный день ты станешь моим полноправным наследником и я оставлю тебе в наследство наш фамильный сон, сон потомков Хьюэлла Дата». И таинственным, приглушенным шепо-

том, словно опасаясь, как бы сам воздух в комнате не услышал, дед поведал, не забывая в то же время подбрасывать внука на коленях, легенду о драгоценном яхонте, который находится в далекой стране, куда смертным пути заказаны, куда можно попасть лишь в одном-единственном случае — если твоим провожатым станет человек, превозмогший смерть... А еще дед рассказал о ком-то, чья двулика голова увенчана золотой короной с сияющим кристаллом. Но кто же он? — помню только, дед говорил о нем, будто о нашем родоначальнике или семейном пенате... Память подвела, больше ничего не помню, все тонет в густом тумане...

Ничего похожего на сон, о котором толковал дед, мне не снилось... до нынешней ночи! Так это и есть «сон потомков Хьюэлла Дата»?

Ломать голову бесполезно. К тому же мои размышления были прерваны приходом посетителя, моего русского приятеля Сергея Липотина, старого антиквара, владельца лавки на Верренгассе.

Липотина в городе прозвали Господин Ничего; раньше он был придворным антикваром российского императора и по сей день сохранил весьма представительную внешность, несмотря на то что злключения выпало на его долю немало. В прошлом миллионер, большой знаток восточного искусства, эксперт, мировая величина, а ныне старей, безнадежно сломленный и тихо доживающий свой век мелкий лавочник, торгующий подобранными там и сям китайскими вещицами. Однако Липотин остался живым воплощением царской России. Благодаря его безошибочно верным отзывам я приобрел несколько замечательных раритетов. И вот что странно: если мне безумно хотелось приобрести какую-то редкостную антикварную вещь, но она как назло не продавалась, не было случая, чтобы Липотин вскоре не принес такую же или аналогичную.

Сегодня, поскольку ничего иного, заслуживающего внимания, не нашлось, я показал старику, что мне прислали из Лондона. Липотин с похвалой отозвался о некоторых старинных гравюрах, назвав их «*rarissima*»¹, заинтересовался также медальонами эпохи Возрождения: отменная немецкая работа, сказал он, тонкие вещи, не какие-то ремесленные поделки. Наконец он заметил герб Роджеров и вдруг, словно опешив, замолчал, уставившись на него в глубокой задумчивости. Я спросил, что его так удивило. Липотин пожал плечами, закурил и ничего не ответил.

Потом мы немного поболтали о том о сем. Уже собравшись уходить, Липотин как бы невзначай обронил:

— Знаете, наш славный Михаил Архангелович Строганов, видимо, не протянет долго, вряд ли докурит начатую пачку папирос. Оно и к лучшему. У него уже ничего не осталось, ни на продажу, ни для ломбарда. Что ж... Такой конец всех нас ждет. У нас, русских, как у солнышка, на востоке восход, на западе — закат. Ну, будьте здоровы!

Он ушел, а я задумался. Значит, старик Строганов, русский барон, с которым я был едва знаком — иногда встречал его в кафе, — собрался в путь и скоро переселится в зеленое царство мертвых, в зеленые владения Персефоны... Насколько мне известно, жил он впроголодь, пил пустой чай и без конца курил. Когда он бежал из России, спасаясь от большевиков, вывез лишь то, что смог спрятать под одеждой. В том числе пяток перстней с бриллиантами и полдюжины массивных золотых часов — успел рассовать по карманам. На это и жил, пока было что продать, щеголял привычками богатого барина. Курил самые дорогие сигареты, их доставляли некие тайные посредники из восточных стран. У Строганова было люби-

¹ Редчайшие (*лат.*).

мое присловье: «Земные блага надо обращать в дым, такая и только такая жертва угодна Господу». Но на самом деле старик голодал, и если не сидел в антикварной лавке Липотина, то жестоко мерз в чердачной каморке, снятой где-то в предместье.

Итак, барон Строганов, в прошлом императорский посланник в Тегеране, уходит в мир иной. Что ж... Оно и к лучшему, как сказал Липотин. Я вздохнул, чувствуя странную душевную пустоту, и решил заняться бумагами Джона Роджера.

Взял наугад листок, потом другой, стал читать...

Вот так я провел целый день, перебирая архив умершего кузена, и в итоге пришел к выводу, что совершенно невозможно привести в порядок эту грудку бумаг — тут и обрывки каких-то исторических изысканий, и старинные рукописи: из этих обломков не возвести здание. «Прочти и сожги, — нашептывал мне внутренний голос. — Тлен отдай тлену!»

Вот, например, история известного Джона Ди, баронета Глэдхиллского, с какой стати мне интересоваться им? Лишь потому, что этот господин, страдавший, должно быть, пресловутым английским сплинном, один из предков моей матери?

Но выбросить эту гору бумажного хлама не хватило духу. Иногда вещи имеют над нами большую власть, нежели мы — над ними; наверное, они лишь притворяются неодушевленными предметами и жизни в них больше, чем в нас, людях. Я увлекся и не мог оторваться от чтения. Час от часа оно все больше захватывало меня, а почему — сам не знаю. Из беспорядочных фрагментов восстал окутанный сумрачной дымкой старины прекрасный и печальный портрет: высокий дух, жестоко разочаровавшийся человек; жизнь его на заре блистала во славе, к полудню омрачилась: его преследуют, осмеивают, распинают на кресте, подносят ему уксус и желчь... он низверг-

нут в геенну, и он же призван в конце концов вознестись к небесам и постигнуть их высшую тайну, чего удостоились лишь благородные души, непреклонные в вере, преисполненные любви.

Нет, не должна исчезнуть без следа история Джона Ди, отпрыска одного из древнейших британских родов, эрлов Уэльса, моего пращура по материнской линии.

Но я понимаю, что не удастся написать о нем так, как хотелось бы. Отсутствуют важнейшие необходимые условия — прежде всего, я не имею возможности изучить историю Джона Ди досконально; затем, мой родственник Джон Роджер обладал огромными познаниями в тех областях, которые одни называют оккультными, другие же относят к парапсихологии и попросту сбрасывают со счетов. У меня по этой части ни опыта, ни соображения. Значит, постараюсь предельно добросовестно разобраться в хаотическом нагромождении руин и представить все в мало-мальски доступном пониманию виде. Или, как выразился мой родич Джон Роджер, «сохранить и передать другим».

Конечно, картина все равно получится вроде мозаики, из которой выпали многие камешки. Но разве не бывает, что руина очаровывает нас больше, чем лишенное изъянов изображение, которое время пощадило? Загадочно изменяются очертания улыбающихся губ, они вдруг превращаются в скорбную складку искаженного болью лица, загадочно вперяет в нас свой взор око из-под выщербленного чела, загадочно вспыхивает на источенной временем картине багровая капля. Загадки, загадки...

Недели, а то и месяцы уйдут на кропотливые исследования, прежде чем я распутаю наполовину истлевшие узлы. Я в нерешительности: надо ли начинать? Если бы я хоть на миг почувствовал, что некто в моей душе понуждает меня к работе, то просто

из упрямства без колебаний отбросил бы эту затею и сжег все, обратил в дым, чтобы... ну да, «угодить Господу».

Невольно снова и снова вспоминаю об умирающем Михаиле Архангеловиче Строганове, которому уже не придется докурить последнюю пачку сигарет, — быть может, по той причине, что Господь не желает, чтобы кто-то угождал ему не в меру усердно.

Сегодня кристалл снова явился мне во сне. Снилось то же, что и прошлой ночью, однако когда кристалл опустился над моей двуликой головой, леденящий холод не вызвал болезненного ощущения, которое заставило бы меня проснуться. Не понимаю: может быть, кристалл в конце концов коснулся моего темени? В тот миг, когда световой луч ярко осветил оба моих лица, я увидел, что сам я — двуликое существо, но в то же время — и кто-то другой. Я увидел себя, то есть увидел двуликого Януса со стороны: губы одного лика двигались, а на втором оставались сжатыми, немymi. И этим безмолвным на самом деле был я. А другой пытался что-то произнести и не мог. Казалось, он крепко спит и в то же время старается заговорить.

Но вот с его губ слетел вздох, и раздались чуть слышные слова:

«Не пытайся выстроить систему! Не обольщайся, ничего не получится! Выстраивая систему, разум подменяет причину следствием, все ставит с ног на голову и обрекает на гибель. Я направлю твою руку, повинуйся мне и читай, не уничтожай ничего... Читай... как я... велю...»

Произнести эти слова стоило мне — моей ипостаси — таких мучительных усилий, что я проснулся.

На душе было смутно. Что же со мной творится? Во мне пробудился некий призрак? Или в мою жизнь

вторгся фантом из сновидения? Неужели мое сознание расколосось и я теперь «не в себе»? Нет, я чувствую себя прекрасно и, бодрствуя, не ощущаю ни малейшей склонности к раздвоению, не говоря уже о том, чтобы меня преследовала какая-то навязчивая идея, заставляя думать и действовать определенным образом. Я полновластный хозяин своих собственных ощущений и намерений, свободный человек!

И вновь всплывает обрывочное воспоминание о скачках верхом на коленях дедушки-лорда: старик рассказывает, что наш фамильный дух сновидений — немой, но настанет час, и он заговорит. И тогда дни нашего рода закончатся и корона уже не будет сверкать над одной главой, а увенчает двуликого.

Итак, Янус заговорил? И нашему роду пришел конец, а я — последний в роду и наследник Хьюэлла Дата?

Важны не сами слова, запечатлевшиеся в моей памяти, но ясный их смысл: «Читай, как я велю!» И еще: разум все переворачивает с ног на голову, подменяя причину следствием... Допустим, я послушаюсь повеления... но нет, нет, это не повеление, никаким приказам я не стал бы повиноваться, я никому не позволю собой командовать. Это совет, о да, конечно, совет, всего лишь совет! Почему бы не последовать совету? Не буду разбирать бумаги, внося порядок, а начну одну за другой переписывать в той случайной последовательности, в какой они будут попадаться под руку.

И, наугад вытащив из кипы листов, исписанный прямым почерком моего кузена Джона Роджера, я прочел следующее:

«Все давно в прошлом. Давно умерли люди, чья жизнь запечатлелась в этих рукописях, умерли со всеми своими желаниями и страстями те, чьи истлевшие в могилах кости ныне задумал потревожить я, Джон Роджер. Они не давали покоя праху

людей, умерших задолго до них самих, а теперь вот я роюсь в прахе, как гробокопатель.

Да и что такое „умершие“? Что значит „в прошлом“? Те, кто некогда мыслил и вершил дела, остались мыслящими и действующими и поныне, ибо все наделенное мощной силой живет вечно! Да, конечно, ни один из нас не нашел того, что все мы искали, — истинного ключа к драгоценному сокровищу жизни, таинственного ключа, поиски которого составляют смысл и ценность существования любого человека. Кому было дано узреть корону со сверкающим кристаллом? Что мы, искавшие, обрели? Непостижимые уму горести и встречу со смертью, хотя и сказано в Писании: смерть будет побеждена! Должно быть, ключ сей покоится на дне бурной реки. Его не достанешь, не сойдя в глубины вод. Роду нашему был предсказан последний день. Еще никто из нашего рода не узрел последнего дня, предсказанное не сбылось: кровь наша не иссякла. И в этом была наша радость? Коли так, то и наша вина.

Двуликий ни разу мне не явился, сколько я ни заклинал его. Кристалл я также не сподобился лицезреть. Видно, так тому и быть: если дьявол не свернет тебе шею, чтобы заставить смотреть назад, то в своем неостановимом движении к смерти ты не увидишь свет впереди. Хочешь подняться на вершину — спустись в самую глубину, лишь так низшее может стать высшим. Но к кому же из всех нас, отпрысков рода Джона Ди, обратился с речью Бафомет?

Джон Роджер».

Бафомет! Я поражен словно ударом. Господи Боже, Бафомет, вот оно, имя, которое я мучительно вспоминал и не мог вспомнить! Бафомет — увенчанный короной двуликий бог, являющийся в сновидениях членам нашего древнего рода. Это имя дед шептал мне на ухо, по слогам, четко, отдельно, будто гвозди заколачивал, наверное, хотел, чтобы оно навсегда осталось в душе ребенка, прыгавшего, точно всадник, у него на коленях... «Бафомет! Бафомет!»

Но кто он, Бафомет?

Тайный символ ордена тамплиеров. Чуждый всему человеческому, но ставший для рыцарей Храма более близким, чем любой, самый близкий человек, и именно поэтому остающийся их непостижимым божеством.

Неужели баронеты Глэдхиллские были тамплиерами? Вполне возможно. Положим, не все, но кто-то из рода... Сведения, которые приводят в книгах, легенды, сохраненные устным преданием, запутанны и противоречивы: Бафомет, дескать, низший демиург — таково переименованное гностиками и доведенное до абсурда понимание иерархии. Если демиург, то почему у него два лица? И при чем тут я, ведь во сне двуликим был я? Определенно, во всей этой истории верно лишь то, что я и в самом деле последний потомок Джона Ди, последний, в ком течет кровь глэдхиллских баронетов, и с моей смертью наш род угаснет.

И я смутно почувствовал: если Бафомет пожелает разомкнуть уста и повелевать мной — послушаюсь.

В этот момент мои размышления прервал Липотин. Антиквар пришел с вестями о Строганове. Преспойно закуривая, он рассказал, что старик Строганов вконец измучился, поминутно харкая кровью. Пожалуй, стоило бы пригласить врача. Хотя врач в лучшем случае лишь облегчит предсмертные страдания Михаила Архангеловича.

— Но... — Липотин вяло пожал плечами и потер пальцами, как бы пересчитывая деньги.

Я понял намек и полез в ящик стола.

Липотин удержал меня за локоть и поморщился, высоко подняв густые брови, словно хотел сказать: «Никаких милосердных жертв!» Потом, стиснув зубами сигарету, попросил минутку терпения и, порыв-

шись в кармане своей шубы, достал перевязанный бечевкой пакет.

— Вот, последнее, что осталось у Михаила Архангеловича. Он просит вас принять это. Уж не откажите.

Я нерешительно развернул пакет. Небольшая, но тяжелая шкатулка из серебра, с целой системой хитроумных замков, весьма солидных, являющихся в то же время и декоративными элементами. На самих замках и на петельках — узоры, какими в старину украшали свои изделия тульские мастера. Вещица, пожалуй, в художественном отношении довольно занятная.

Я заплатил Липотину, думаю не обидев. Липотин, не пересчитав, скомкал деньги и небрежно затолкал в карман жилетки.

— Теперь Михаил Архангелович сможет умереть, соблюдая приличия. — Вот и все, что я услышал по этому поводу от моего гостя.

Вскоре он ушел.

А у меня остался тяжелый серебряный ларчик, он заперт, и я не могу открыть замки, как ни стараюсь, хотя бьюсь над ними уже не один час. Металлические накладки можно оторвать разве что стамеской или перепилить. Но тогда красивый ларчик будет изуродован. Ладно, пусть стоит закрытым.

Итак, следуя приказу, полученному во сне, я наугад извлек из груды бумаг небольшую пачку и начал писать историю жизни Джона Ди, моего предка. Я переписываю фрагмент за фрагментом в той случайной последовательности, в какой они подворачиваются под руку.

Пожалуй, никто, кроме самого Бафомета, не знает, что из этого выйдет. Но я уже увлекся, мне интересны события, которые разыгрались в жизни извест-

ного человека, пусть даже все они происходили в далеком прошлом, а сам он давно умер; я хочу узнать, что получится, если не вторгаться в повествование по своему усмотрению и не пытаться, возомнив себя великим умником, *corrige la fortune*¹.

Сразу же, вытянув первую пачку листов рукой, «исполняющей чужую волю», я мог бы насторожиться. Ведь передо мной письмо или официальный документ, который касается вещей, на первый взгляд никак не связанных с личностью Джона Ди или историей его жизни. Речь идет об отряде, известном под названием «Воронов» и, вероятно, игравшем некую роль в религиозных смутах 1549 года.

Вот что я прочитал:

**«Донесение тайного агента)+(
его преосвященству господину
епископу Боннеру**

В Лондоне, лета Господня 1550-го

...ваше преосвященство господин епископ ведают, сколь затруднительно уследить за лицом, подозреваемым в сатанинской ереси и вероотступничестве, каковым является известный сэр Джон Ди; ваше преосвященство ведают, что сам господин губернатор день ото дня все более навлекает на себя таковое же подозрение и, к прискорбию, отнюдь не безосновательно, однако осмеливаюсь послать вашему преосвященству с верным гонцом сие донесение, составленное к нынешнему дню в моей канцелярии, дабы выказать вашему преосвященству, с каким усердием я стараюсь снискать вашу, господин епископ, милость, приумножая тем мои заслуги перед Отцом Небесным. Ваше преосвященство пригрозили, что предадите меня анафеме и пытке, коли я не сумею выявить зачинщиков или подстрекателей недавних возмущений подлого люда против нашей Пресвятой

¹ Сжувльничать в игре, подтасовать; *букв.*: подправить судьбу (*фр.*).

Церкви. На коленях умоляю ваше преосвященство обождать недолгое время, прежде чем предать меня, хоть и грешного, но верного слугу вашего, карающему суду, ввиду того что ныне уже имею донести такие сведения, из коих явствует вина двух разбойников.

Вашему преосвященству ведомо постыдное бездействие нынешних правителей наших, возглавляемых господином лордом-протектором, а равно и то, что не в последнюю очередь по причине попустительства, чтобы не сказать хуже, со стороны Его Величества все смелей поднимает в Англии свою гнусную голову ядовитая гидра непокорства, мятежа и кощунственного осмеяния святых таинств, храмов и монастырей. А в истекшем году, по Рождестве Христовом 1549-м, в конце декабря объявились в Уэльсе целые шайки подлых бунтовщиков, как будто бы сама земля их изрыгнула! В шайках этих все больше беспутные матросы и бродяги бездомные, однако уже и некоторые крестьяне к ним присоединяются, а тако же буйные ремесленники, сброд разномастный, необузданный и отчаянный. Отряд их придумал себе знамя, на коем омерзительной черной краской нарисована голова ворона, вроде той, что служит тайным знаком у алхимиков, и сами бунтовщики взяли себе имя Воронов.

Во главе мятежников стоит свирепый разбойник, прежнего звания — мясник в Уэлшпуле, именуемый Бартлет Грин, он-то и есть главарь и атаман всей банды, святотатец, поносящий в глумливых речах нашего Господа и Спасителя, но того пуще хулит он Приснодеву, ибо заявляет, будто бы Пресвятая Царица Небесная — поганая тварь, порожденная великой богиней, а по истине сказать — главнейшей идолицей и бесовкой, кою называет он Черной Исаидой.

Означенный Бартлет Грин осмелился на дерзость неслыханную: объявил прилюдно, будто бы идолица сия поганая, блудница дьявольская Исаида его самого наделила чудесной неуязвимостью и в дар ему дала серебряный башмак, дабы сей нечестивец проходил без помех, где только вздумается, торжествуя над врагами. Господа слезно молить остается нам, ибо означенный Б. Грин, как и вся поганая банда, по всей видимости, пользуется покровительством Вельзевула и его приспешни-

ков, потому как до сего дня не принесли ему ни малейшего вреда ни пули, ни отравы, ни устроенные засады, ни открытые нападения с оружием в руках.

Доношу также о другом обстоятельстве, хотя поныне не удалось мне выведать все окончательно и достоверно. Направляет разбойников не один только Бартлет Грин, сеющий ужас и смерть, есть еще некий тайный руководитель походов и разбойных нападений банды воронья и, сверх того, должно быть — заговоров, в коих замешаны нечестивцы из числа владетельных господ; сия персона — поистине как наместник сатаны — разбойникам весьма пособничает, снабжая деньгами, письмами, наущая тайно советами.

Надобно поискать заправилу и подстрекателя среди знатных господ нашего королевства, а то и среди властей предрезающих. Может статься, это один из них, а именно известный Джон Ди!

Дабы простой люд Уэльса совратить и власти дьявола предать, учинили разбойники намерение осквернение чудотворного святого места последнего упокоения его преосвященства господина епископа Дунстана Бридрокского, склеп разорили и разграбили, святыне реликвии по ветру пустили охальники, о чем с глубочайшем прискорбием докладываю вашему преосвященству. Учинили же богохульники сие непотребство, потому как все добрые католики веруют, что гробница святого Дунстана пребудет в целости и сохранности во веки веков и гнев Господень, а тако же молния небесная поразит насмерть всякого нечестивца, кто дерзнет протянуть кощунственную руку к святыне сей. Бартлет же, глумясь и поносные слова изрыгая, святыню осквернил при народе — многие толпы простого люда сие видели.

Далее спешу сообщить вашему преосвященству вести, дошедшие до моих ушей ныне: якобы прибывший к нам из Московии престранный путешественник, о коем по секрету рассказывают самые диковинные вещи, в недавние времена тайно встречался с Бартлетом Грином и вел с ним подозрительные конфиденциальные переговоры.

Имя же носит сей москвит чудное — Маски, и сдается, не подлинное то имя оногo путешественника, а прозвище, а что оно

значит, не ведаю. Величает себя магистром царя московского, телом тощ, волосом сед, лет ему, должно быть, более пятидесяти, а рожа татарская. Говорят, будто бы негоциант и в страну нашу прибыл, чтобы торговлю вести разными раритетами да безделицами русскими и китайскими. Может, так и есть, но подозрителен торговец весьма, никто не ведает, кто он таков и откуда на самом деле явился.

К прискорбию моему, доныне не увенчались успехом попытки схватить означенного магистра Маски, потому как неуловим наподобие дыма.

Касаемо магистра сего имеется одно обстоятельство, кое может послужить уликою и делу его скорейшего арестования пособить. В Бридрокке нашлись дети, видевшие, как приблизился москвит к разбитому и оскверненному склепу, пошарил руками меж развороченных каменных плит и достал из-под них два блестящих шара — один красный, другой же белый, небольшие, предназначенные, похоже, для игры какой-то и выточенные из драгоценной слоновой кости. Москвит, доносят, с видом полного довольства оглядел сии шары, после чего, спрятав оба в карманы, поспешно удалился. К сему осмелюсь высказать предположение, что шары магистр присвоил, усмотрев в них курьезные раритеты, а как сам он таковыми торгует, то и сбудет их вскорости покупателю. Учредил я сыск, дабы местонахождение сих шаров установить, но покамест ни шаров, ни самого магистра сыскать не удалось.

Напоследок полагаю настоятельно необходимым поделиться с вашим преосвященством, духовником моим пред Господом, тревогою, коя не оставляет меня в последнее время. Суть же такова. Попали ко мне некоторые письма господина моего и властителя, губернатора. Порешив, что сие есть знамение свыше, я оставил их, негласно, у себя. А среди писем обнаружился доклад одного ученого доктора, нынешнего наставника в науках Ее Высочества леди Елизаветы, принцессы Английской. Доклад же содержание имеет весьма удивительное. Прилагаемый к докладу особый пергаментный лист, не навлекая на себя подозрений и не нанося ущерба посланию, изъял я из письма док-

тора и вместе с настоящим донесением предаю в руки вашего преосвященства. В письме же господину губернатору ученый наставник Ее Высочества сообщает нижеследующее.

На четырнадцатом, ныне завершившемся году жизнь леди Елизаветы протекала наилучшим образом. Произошла чудесная перемена в ее поведении, дотоле, как известно, весьма необычном, — принцесса обратилась к занятиям, кои приличествуют юной леди. Кулачные бои, лазание по деревьям, обычай щипать и потчевать колотушками служанок и подруг, да еще забавы, состоявшие во вспарывании животов и прочих истязаниях мышей и жаб, по всей видимости, утратили в глазах принцессы былую прелесть, леди Елизавета замкнулась, предалась молитве и прилежному изучению Священного Писания. Но, видно, подбил ее к тому нечистый со своими пособниками!

Леди Эллинор, дочь лорда Хантингтона, шестнадцати лет от роду, жалуется, мол, принцесса нередко во время игр так пылко на нее набрасывается, что остаются синяки и царапины на деликатнейших частях тела. В минувший день святой Гертруды леди Елизавета, принцесса Английская, изъявила желание поехать кататься верхом со своими подругами по Эксбриджскому лесу, откуда забывшее о приличиях веселое общество помчалось по пустошам, уподобясь ведьмам дьявольской свиты, не знающим ни стыда, ни благопристойных манер, в точности как поганые язычницы амазонки!

Помянутая леди Эллинор на другой день сообщила по секрету, что в Эксбриджском лесу леди Елизавета разыскала тамошнюю старую колдунью и, заклиная грязную ведьму Пресвятою Кровью Христовой, просила предсказать судьбу, подобно тому как некогда выспрашивал у ведьм о своей доле покойный предок леди Елизаветы король Макбет.

Леди Елизавета, принцесса Английская, не токмо услышала многие пророчества, изречения и невнятное бормотание, но еще и получила от чертовой старухи приворотное зелье, должно быть дьявольский любовный напиток, и тотчас, не сходя с места, выпила до последней капли, обрекая тем самым бедную свою душу на адские муки. После чего ведьма написала свои пред-

сказания на пергаменте; прилагаемый к сему *corpus delicti*¹, без сомнения, и есть ведьмовская каракуля, в коей я не сумел понять ни единого слова, — по моему разумению, написанное есть не что иное, как богомерзкая галиматья. Листок пергаментный к настоящему письму подшит.

О сем счел необходимым незамедлительно донести вашему преосвященству, радея о службе, засим остаюсь, и проч.».

Вместо подписи стоял знак)+(.

Рукой моего кузена Джона Роджера здесь же сделана приписка с пояснением, что свое донесение тайный осведомитель составил для страшного Кровавого епископа сэра Боннера, а пергаментный лист, приложенный к нему, вероятно, и в самом деле запись, сделанная рукой эксбриджской ведьмы, предсказание судьбы принцессы Елизаветы, впоследствии взошедшей на английский престол. Вот этот текст:

Вопрошала я Гею, Черную Матерь,
нисходила в темную бездну
по семижды семидесяти ступеням.
«Взвеселись, королева Елизавета! —
вещала Черная Матерь. —
Испила ты питья себе на великое благо!

Питье мое и разлучает, и накрепко вяжет
мужа с женой.
Здравым нутро пребудет,
хворь его не затронет,
целое устоит, коль половина погибнет.
Оберегу! Повяжу! Заколдую!

На ложе твое уложу жениха ночью порою,
станете с ним едины! День вслед за ночью грядет —
не распадется единство,
„я“ и „ты“ — словеса пустые его не разрушат!

¹ Здесь: вещественное доказательство (*лат.*).

Ни на земле, ни за гробом не расстанутся венценосцы!
Мой напиток чудесный создаст из двоих одного,
взор устремившего и пред собою, и вспять,
глаз не смыкающего властелина.
Тысячелетия для него — что мгновенья.

Духом воспрянь, королева Елизавета!
Черный кристалл породила Черная Матерь,
Камень спасение принесет престолу,
части короны разъятой
соединит он навеки.

Половина венца — твоя, мужу вручи другую,
победоносцу, вонзившему
меч серебряный в холм зеленый.
Ждет плавильная печь, ждет и брачное ложе,
пусть же золото и золото сплавятся в слиток,
и засверкает корона цельнолитая».

Тайный осведомитель тоже снабдил пергамент пояснением, на отдельном листке, подшитом к предсказанию колдуньи. Суть в том, что предводитель разбойников Бартлет Грин, упомянутый в письме к епископу Боннеру, был схвачен и брошен в темницу.

«В понедельник на Святой неделе после Великого праздника Воскресения Господня, в лето 1550-е

Шайка Бартлета Грина разбита, сам же он схвачен, однако не ранен, что поистине чудом почитать должно, ибо сражение вышло пружестокое. Теперь сей преступник, душегуб и злостный еретик надежно закован в цепи, а сторожат его и днем и ночью, так что ни один из послушных ему демонов, ни сама Черная Исаида, кумир поганый, вызволить его не сумеют. Над кандалами его, как ручными, так и ножными, троекратно возгласили: „Изыди, сатана!“, сопроводив сии слова крестным знамением и щедро окропив железа святою водой.

Посему возношу истовую молитву Господу, да исполнится по Его воле пророчество святого Дунстана, в согласии с коим осквернитель святого праха, подстрекавший чернь к святотатственным деяниям, — уж не известный ли Джон Ди? — не избежит кары, но будет подвергнут гонениям, преследованиям и мукам до скончания века. Аминь!»

Вместо подписи тайный осведомитель поставил свой значок)+(.

В новой связке бумаг, которую я наугад вытащил из посмертного архива моего кузена Джона Роджера, оказался дневник нашего далекого предка сэра Джона Ди. Я сразу это понял, как и то, что дневниковые записи служат продолжением сюжета, завязка которого находится в доносе тайного осведомителя, и относятся к тем же годам.

**Из дневника, начатого Джоном Ди,
баронетом Глэдхиллским, в день торжественного
присвоения ему звания магистра**

«В день святого Антония, лета Господня 1549-го

...Да будет день посвящения нашего в магистры днем превеликого пьянства пред лицом Господа! Ах, как ярко воссияют в хмельном пылу носы и плечи отменнейших ученых мужей нашей Англии! Ну да я их прочу, узнают, каково со мной тягаться!..

...Ох, окаянный денек... Окаянная ночь!.. Нет, благословенная ночь, если я заслужил такое!.. Перо нещадно рвет бумагу, все оттого, что рука моя до сих пор пьяна, да-да, пьяна! А разум? Он ясен, как никогда. Снова бранится: проспись, свинья, довольно колобродить! И яснее ясного, светлее солнца мысль: я властитель над всеми следующими поколениями. И вижу нескончаемый ряд моих потомков — королей! Королей на английском престоле!..

...В голове наконец просветлело. Но как вспомнишь минувшую ночь, ее события, голова начинает трещать немилосерд-

СОДЕРЖАНИЕ

АНГЕЛ ЗАПАДНОГО ОКНА. <i>Роман</i> <i>Перевод Г. Снежинской</i>	5
Мой новый роман (<i>Густав Майринк об «Ангеле западного окна»</i>) <i>Перевод Г. Снежинской</i>	480
Примечания. <i>В. Ахтырская</i>	483

Майринк Г.

М 14 Ангел западного окна : роман / Густав Майринк ; пер. с нем. Г. Снежинской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 512 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-11269-8

«Ангел западного окна» — роман уникальный, воссоздающий универсум, хаотичный, завораживающий мир иллюзий и фантастических грез, роман о смерти человека и о бессмертии человеческого духа. Задуманный как итог всего творчества, последний роман мастера мистической прозы наполнен отзвуками созданных ранее текстов. Здесь есть и Прага, ставшая почти персонажем его произведений, и еврейское гетто, представленное, как в первом романе Майринка «Голем», моделью всего человечества.

УДК 821.162.3

ББК 84(4Чеш)-44

Литературно-художественное издание

ГУСТАВ МАЙРИНК
АНГЕЛ ЗАПАДНОГО ОКНА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.04.2016. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 22,56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YAKB1929801R